

Содержание

От авторов 5

Глава I

ПОХВАЛА ЩЕДРОСТИ 8

1. СКАНДИНАВСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА 9

СКУПОЙ — ЩЕДРЫЙ — ДОБРЫЙ 9

Прозвища и родовая характеристика
скандинавских конунгов 9

ЗОЛОТО И УГОЩЕНИЕ, НАГРАДА И ОТПЛАТА 21

Синтез и антитеза в панегирических формулах 21

СКАЛЬДЫ И САГИ 28

Автохтонность формулы
и механизмы ее распространения 28

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ 43

2. РУССКАЯ ПЕРСПЕКТИВА 45

НОВАЯ РОДИНА КРАТКОЙ ФОРМУЛЫ 46

Части и целое, панегирик и порицание 46

РЕЧЕНИЕ И РАССКАЗ 55

Где и как формула стала сюжетом 55

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ 69

Глава II

ЧАША ИЗ ЧЕРЕПА 72

ЧАША ИЗ ЧЕРЕПА ПОВЕРЖЕННОГО ПРАВИТЕЛЯ

В ДРЕВНЕГЕРМАНСКОМ КОНТЕКСТЕ 75

ЧАША ИЗ ЧЕРЕПА КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ КЛИШЕ

В ВИЗАНТИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ 89

ЧАША ИЗ ЧЕРЕПА В РУКАХ ВАРВАРА —

ПОКАЗАНИЯ АНТИЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ 104

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ 124

Глава III

ОШИБКА РОГНЕДЫ 126

ОГРАНИЧЕННОСТЬ/ОТСУТСТВИЕ
НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ У ДЕТЕЙ РАБЫНИ
В СКАНДИНАВИИ 127

КЕМ БЫЛИ РАБЫНИ-МАТЕРИ 131

ДВА ЛЕТОПИСНЫХ РАССКАЗА О РОГНЕДЕ
В ПЕРСПЕКТИВЕ

СКАНДИНАВСКОЙ ТРАДИЦИИ 141

ВНЕБРАЧНЫЕ ДЕТИ И БУКВА ЗАКОНА 145

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ 148

Глава IV

ЗОЛОТАЯ ЛУДА ВАРЯГА ЯКУНА 151

СЦЕНЫ ЛИСТВЕНСКОЙ БИТВЫ 1024 Г. 151

«ТЕМНЫЕ МЕСТА» В РАССКАЗЕ
О ВАРЯГЕ ЯКУНЕ 152

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ПЛАЩОМ
В СКАНДИНАВИИ 157

ХАКОН МОГУЧИЙ

В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СЕВЕРЯН 162

ВНУК КАК ВОПЛОЩЕНИЕ
РОДОВОГО НАСЛЕДИЯ 164

МОЛОДОЙ ЯРЛ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ
ДВУХ НАРРАТИВНЫХ ТРАДИЦИЙ 167

СЕМАНТИКА КОНСТРУКЦИИ «*отбъжати* + Gen.»
В ДРЕВНЕЙШИХ РУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ 172

Литература и сокращения 176

Немного найдется событий тысячелетней давности, которые вызвали бы столь напряженный, живой, а иногда и весьма болезненный интерес, как история скандинавского присутствия на Руси. Мало того, что так называемый норманнский вопрос, или спор о роли северных пришельцев в основании древнерусского государства, еще с петровских времен то и дело вовлекается в пространство злободневной политической идеологии, но и самые свидетельства варяжско-русских контактов весьма неоднородны в различных областях культурной традиции. В самом деле, если говорить о доказательствах вещественных, материальных, то здесь мы сталкиваемся с чрезвычайным изобилием различных артефактов — от пряслица с рунической надписью или молоточка Тора до целого кургана с нетронутым погребением знатного воина. Число археологических находок подобного рода постоянно растет, у нас всегда есть надежда на появление новых данных, которые позволят расширить наши представления о масштабах скандинавского присутствия.

Однако едва лишь мы обращаемся к миру слов и образов, все оказывается заметно сложнее. Найдем ли мы, например, в древнерусском языке скандинавские заимствования? Да, разумеется, северогерманское происхождение целого ряда слов давно не вызывает сомнений у лингвистов, но число этих заимствований несопоставимо с теми языковыми преобразованиями, которые претерпел, скажем, древнеанглийский язык в результате нормандского завоевания. Тем более труден вопрос о том, много ли в древнерусских текстах мотивов, сюжетов или мелких повествовательных деталей, напрямую перекликающихся с теми, что мы обнаруживаем в скандинавских памятниках, запечатлевших ту же эпоху. По-видимому, их одновременно и больше, и меньше, чем может показаться на первый взгляд.

Причины всех этих трудностей не в последнюю очередь связаны с тем, что русская и скандинавская средневековая книжность отнюдь не были ориентированы друг на друга — ни одна из этих традиций не послужила для другой прямым источником образцов, хотя им нередко приходилось черпать образцы из одного и того же источника. Жанро-

вый репертуар этих традиций чрезвычайно различен: на русской почве мы не увидим ни родовых саг, ни тем более скальдической поэзии, и ни один из скандинавских хроникальных источников невозможно уподобить древнейшим русским летописям. Даже если эти памятники говорят об одном и том же, опознать подобное тождество показаний порой оказывается весьма непросто из-за естественных различий в структуре и поэтике текста. Вместе с тем не менее различны и критерии достоверности, которые приходится применять к извлекаемым из столь непохожих источников сведениям.

Кроме того, IX—XII вв. — времена, на которые пришлось интегрирующие нас контакты, отчасти непосредственно предшествовали, а в значительной степени попросту совпадали с эпохой грандиозных сдвигов и перемен в истории Руси и Скандинавии. Распространение христианства, крещение отдельных правителей и их окружения, а затем и целых народов, становление единовластных династий и формирование собственного круга почитаемых святых шли бок о бок с возникновением письменной культуры нового типа, которая была порождением и частью этих инновационных процессов. Неудивительно поэтому, что в ее недрах большее отчасти погребло под собой меньшее — некогда судьбоносное взаимодействие с близкими соседями интересовало книжников лишь постольку, поскольку оно соответствовало этим новым перспективам.

Дело усугубляется еще и тем, что русские хронографические сочинения, из которых мы черпаем наши знания о скандинавском присутствии, будь то «Повесть временных лет» или Новгородская первая летопись, были впервые занесены на пергамент отнюдь не в тот период, когда взаимодействие с варягами было особенно интенсивным, но лишь в ту пору, когда оно начало заметно ослабевать. До нас же эти тексты дошли в списках еще куда более поздних, когда такие контакты окончательно отходили в область минувшего и различные их приметы — некогда понятные без объяснений — стали загадочными или неважными. Иначе говоря, письменная традиция парадоксальным образом оказывается одновременно и зеркалом, в котором можно разглядеть контуры интересующей нас проблемы, и барьером, нуждающимся в преодолении.

Сейчас, когда в спорах о том, какую роль скандинавы сыграли в формировании древнерусского государства, сломлено столько копий и накоплено столько ценнейшей информации, можно, как кажется,

отойти на пару шагов в сторону от фигуры основателя династии Рюриковичей и сосредоточиться скорее не на политической, а на культурной составляющей русско-скандинавского взаимодействия. И на этом поприще в XIX—XX столетиях сделано немало, тем не менее язык научного знания, на котором можно было бы говорить об этом предмете, лежащем на стыке филологии и истории, еще не до конца сформирован. Нам представляется, что на данном этапе исследовательская методология должна быть не только и не столько декларативно сформулирована, сколько продемонстрирована в действии.

Именно поэтому отправная точка для каждой главы в данной книге предельно конкретна — всякий раз мы начинаем с небольшого фрагмента из «Повести временных лет» или Новгородской первой летописи, провоцировавшего множество ассоциаций не только у современных исследователей, но и у средневековой аудитории, фрагмента, где проявляется близость русского и скандинавского мира, будь то сходство фабулы, тождество имен или совпадение фактов.

Мы постарались привлечь такой набор эпизодов, чтобы причины этой близости были максимально разнообразны. Так, в одном случае речь идет о прямом и раннем перенесении некоего культурного клише со скандинавской почвы на русскую, клише, настолько удачно прижившегося на новой родине, что едва ли кто-то из книжников XII столетия осознавал его как заимствование. В другом — следует говорить скорее о существовании некоего единого варяжско-русского пространства, в котором перемещаются живые люди, а с ними из страны в страну перемещаются не менее живые исторические предания. В третьем случае удастся проследить, насколько в предхристианскую эпоху у северной знати могли быть близки представления о правовых нормах и о возможности пренебречь ими. Иногда же выясняется, что сходство в описании событий и обрядов вовсе не свидетельствует о взаимодействии двух интересующих нас культурных традиций, однако подобный отрицательный результат, в сущности, оказывается не менее ценен для их сопоставления — мы можем разглядеть, в частности, как по-разному влияли на них более древние книжные и некнижные образцы.

Во всех четырех главах мы стремились не злоупотреблять наложением единой готовой схемы анализа на заведомо разнообразный и многоликий материал источников, но попытались представить несколько моделей исследования, которые могут пригодиться в дальнейших разысканиях.

Глава I

ПОХВАЛА ЩЕДРОСТИ

В «Повести временных лет» под 971 г. мы находим рассказ о том, как византийский император решил испытать дарами русского князя Святослава Игоревича и что из этого испытания вышло; есть эта история и в Новгородской первой летописи.

Цесарь же созваше боляры своя в полату и рече имъ: «что сътворимъ, яко не можемъ противу ему стати». И рѣша ему бояре: «пошли к нему дары, искусимъ его; любезнивъ ли есть злату и паволокамъ». Послаша к нему злато и паволоки и мужа мудра, и рѣша ему: «глядаи взора его и лица его и смысла его». Святославу, яко приидоша Грѣци с поклономъ. И рче Святославъ: «введите ихъ сѣмо»; и абие привелоша и. Онѣмъ же слом пришедшимъ и паки поклонившимся ему, и положиша пред нимъ злато и паволоки. И рече Святославъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ «возмѣте, кому что будет». они же поимаша, а слы цесаревѣ, видѣвше тое, приидоша ко цесарю. И съзва царь бояры своя и велможа; рѣша же послании, яко «приидохомъ к нему и не позри на ны, нь толико отрокомъ повелѣ поимати». Рече же единъ от ту предстоящи: «царю, искуси единою еще; пошли к нему оружие бранное». Онъ же послуша его, и послаше ему мечъ и иное оружие. Слу же цесареву принесешю къ Святославу, он же примъ, нача любить и хвалити и цѣловати, [яко самого] цесаря. И приидоша опять къ цесарю, и повѣдаша вся бывшая. И рѣша бояре: «лють сѣи мужъ хошетъ бытии, яко имѣниа небрежетъ, а оружие емлет и любит, имѣся по дань» [ПСРЛ, т. III, с. 122–123].

Замечательно при этом, что в скандинавском своде саг о королях Норвегии под названием «Гнилая кожа» (*Morkinskinna*) рассказывается о том, как аналогичному испытанию подвергается конунг Си-

гурд Крестоносец: есть здесь и двукратное посольство от императора, и емкости с золотом, и нарочито небрежное распоряжение раздать все императорские дары дружинникам, и умение продемонстрировать находчивость в сочетании с могуществом...

Что стоит за этим сходством? Имеем ли мы дело со случайным совпадением, заимствованием из некоего общего источника, реализацией некоторого универсального мотива, с равным успехом воплощающегося в самых разных культурных практиках? Или перед нами пример прямого взаимодействия двух интересующих нас традиций? Чтобы подступиться к ответу на данный вопрос, необходимо провести два независимых расследования и не только рассмотреть два этих сюжета подробнее, но и восстановить все их «родственные связи» в дошедших до нас скандинавских и древнерусских памятниках. Связи эти оказываются весьма обильными, многоступенчатыми — небрежение к золоту, щедрость к своим людям многократно запечатлеваются на письме, в частности воспроизводятся вновь и вновь на разных хронологических повествованиях. Складывается впечатление, что рассказы о Святославе и Сигурде — лишь часть какой-то более обширной традиции оценки правителя, традиции, возможно, достаточно архаичной. Попробуем описать ее более обстоятельно.

1. СКАНДИНАВСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

СКУПОЙ — ЩЕДРЫЙ — ДОБРЫЙ

Прозвища и родовая характеристика скандинавских конунгов

Начнем с анализа одного древнего прозвища конунга из династии Инглингов по имени *Хальвдан*, жившего, по-видимому, на рубеже VIII и IX вв. В древнейших скандинавских историографических источниках (таких, например, как «Книга об исландцах» Ари Мудрого, созданная в первой половине XII в.) он называется *Хальвдан Щедрый и Скупой на Еду* (*hinn mildi ok matarilli*). При этом во многих средневековых сочинениях, прежде всего в «Круге Земном» (XIII в.) и в «Книге с Плоского острова» (начало XIV в.), непосредственно за упоминанием

прозвища конунга Хальвдана следует своеобразный комментарий, где оно разъясняется следующим образом:

Рассказывают, что его люди получили столько золотых монет, сколько у других конунгов люди получают серебряных, но жили впроголодь. Он был очень воинствен, часто ходил в викингские походы и добывал богатство¹.

Появляющаяся в этом комментарии тема *золота* в свое время даже позволила интерпретаторам «Круга Земного» перевести прозвище конунга как «Щедрый на Золото и Скупой на Еду». Как мы увидим ниже, подобный перевод, не будучи буквальным, довольно верно отражает те коннотации, которые связывались с эпитетом «щедрый» (*mildi*), коль скоро он прилагался к правителю.

Если это именование является подлинным прозвищем древнего правителя, то перед нами весьма ранний и ценный пример скандинавского прозвища-формулы, где фигурируют интересующие нас концепты «щедрости» и «скупости». Несколько соображений в пользу если не его аутентичности, то, во всяком случае, архаичности можно привести сразу. Так, следует упомянуть, с одной стороны, множественность источников, в которых это именование представлено, и, с другой стороны, его явную мнимо-поэтическую оформленность. В самом деле, во фразе *hinn mildi ok matari/lli*, «щедрый и скупой на

¹ ...svá er sagt, at hann gaf þar í mála mönnum sínum jammarga gullpenninga, sem aðrir konungar silfrpenninga, en hann sveltí menn at mat. Hann var hermaðr mikill ok var löngum í vikingu ok fekk sér fjár [Hkr., bnd. I, bls. 80; CF, bls. 31; K3, c. 36].

Приведенная характеристика конунга Хальвдана исключительно близка той, что мы обнаруживаем в «Истории Норвегии» (*Historia Norwegiae*), одном из древнейших скандинавских исторических сочинений, составленном на латыни, по всей видимости, в Норвегии или в Исландии в середине XII в. [Ekrem, 1998, S. 8–13, 87]: «Huic successit in regnum filius suus *Halfdan auri prodigus cibique tenacissimus*, stipendiarios namque suos auro donavit eosdemque fame maceravit» [MHN, p. 103]. Отметим, однако, что в этом источнике ни слова не говорится о прозвище конунга Хальвдана, хотя автор «Истории Норвегии» с чрезвычайной последовательностью стремится воспроизводить прозвания (*cognomen*) древнейших норвежских правителей.

еду», присутствует как аллитерация, так и внутренняя рифма, сродни тем, что мы обнаруживаем в скальдических стихах, и это неизбежно наводит нас на мысль, что само прозвище — не что иное, как фрагмент древнего поэтического текста, посвященного конунгу. Эти лежащие на поверхности аргументы ни в коей мере не могут быть признаны исчерпывающими, но мы попытаемся привести целый ряд других данных, свидетельствующих не только о древности этого формульного прозвища, но и о его связях с целым классом формул, бытовавших в средневековой Скандинавии и распространявшихся за ее пределы.

В «Круге Земном» Снорри Стурлусона — самой подробной и, пожалуй, самой авторитетной истории династии Инглингов, составленной в первой половине XIII в., — интересующее нас прозвище фигурирует не только как элемент именованя определенного персонажа, но, несомненно, и как своеобразная характеристика нрава нескольких поколений его прямых потомков. Когда один из них — конунг Хакон Добрый, первый христианин на норвежском престоле — призывал в X в. своих подданных-язычников поститься и чтить святость воскресного дня, те не соглашались:

Но как только конунг возвестил это народу, сразу же поднялся громкий ропот. Бонды роптали на то, что конунг хочет отнять у них их работы, и говорили, что тогда им нельзя хозяйствовать на земле. А батраки и рабы говорили, что, если они не будут есть, они не смогут работать. Есть такой изъян — говорили они — у Хакона конунга и его отца <конунга Харальда Прекрасноволосого. — А. Л., Ф. У.> и всей его родни, что они *скуны на еду, хотя и щедры на золото* (þeir váru illir af mat, svá þótt þeir væri mildir af gulli) [Нкр., бнд. I, блс. 189; КЗ, с. 75].

В «Саге о Хаконе» напрямую не говорится, о какой именно родне конунга идет речь, однако современник и читатель Снорри Стурлусона, живущий в мире родовых связей, не мог не вспомнить о том, что отец Хакона Доброго, Харальд Прекрасноволосый († ок. 940 г.), приходился родным правнуком конунгу Хальвдану Щедрому [на Золото] и Скупому на Еду. В ряде источников, например в «Книге об исландцах» Ари Мудрого или «Книге с Плоского острова», этот Хальвдан фигурирует по преимуществу в родословных и известен прежде всего как предок объединителя Норвегии Харальда Прекрасноволосого.

Хакон же, не наследуя ни имени, ни прозвища прапрадеда, согласно молве, наследует те родовые качества, которые в свое время вызвали к жизни прозвище его предка. Для родового мира Исландии, где перечисление имен и черт характера родичей могло быть в каком-то смысле важнее собственного имени человека, такой подход к делу представляется более чем закономерным. Коль скоро кто-либо из родичей обладал характеризующим прозвищем, у целой череды его потомков оно могло присутствовать, так сказать, в латентной форме, иногда оживая в виде более или менее окказиональной характеристики того или иного родича, а иногда вновь обретая статус устойчивого прозвания.

Иными словами, для носителя родового сознания черты характера, которыми обладал тот или иной член семьи в древности, никуда не исчезают, а лишь проявляются в следующих поколениях с большей или меньшей силой, а следовательно, между характеризующим конунга речением и собственно прозвищем не может быть непроницаемой границы: тот или иной эпитет, та или иная фраза по отношению к предкам и потомкам может использоваться то так, то эдак.

В известном смысле весь цикл рассказов «Круга Земного» о норвежских правителях из рода Инглингов создает образы конунгов, у которых необходимая знатному человеку щедрость зачастую может так или иначе сочетаться с фамильной скуповатостью. Об Олаве Трюгвасоне († 1000 г.) сказано, что на Руси «он был щедр со своими людьми, и поэтому его очень любили»², тогда как о его тезке, Олаве Святом († 1030 г.), Снорри говорит, что тот был «охоч до всякого добра и щедро раздавал его», и при этом вынужден опровергать предание о скупости конунга («незаслуженны упреки в том, что он был скуп (*hnögg*) к своим людям. Он был очень щедр (*inn mildasti*) к своим друзьям»)³. Соправители Харальд Суровый († 1066 г.) и Магнус Добрый († 1047 г.)

² Óláfr var örr maðr við sína menn, varð hann af því vinsæll [Hkr., bnd. I, bls. 292; K3, c. 110].

³ См. [Hkr., bnd. II, bls. 82, 422; K3, гл. 58, с. 196; гл. 181, с. 336]; ср. сходную характеристику Олава, строящуюся на полярных оценках личности конунга: [ÓHLeg., s. 27–28]. Намеки на скупость конунга содержатся и в разговоре исландца Тормода Скальда Черных Бровей с Олавом Святым (см. [ÓHLeg., s. 53]).

фигурируют в королевских сагах как носители двух противоположных качеств: Магнус — безусловной щедрости, а Харальд — парадоксальной смеси щедрости и вполне заметной скупости⁴.

Сын Харальда Сурового, конунг Олав Тихий († 1093 г.), наделяется в сагах не только миролюбием (отчасти в противовес своему отцу), но и выдающейся щедростью:

...со времен Харальда Прекрасноволосого при жизни и правлении ни одного конунга не было так хорошо в Норвегии и так благополучно. Конунг Олав был снисходителен ко многим вещам, за которые конунг Харальд, его отец, брался со всей резкостью и продолжал в том же духе. Он <Олав конунг. — А. Л., Ф. У.> был щедр на золото и серебро и другие драгоценности и сокровища (*milldr af gulli oc silfri oc odrom gofom gripom oc gersimom*), но он твердо управлял государством. Все это благодаря его мудрости и знанию того, что во благо для державы. Можно перечислить многие его деяния, которые были хороши и соответствовали королевскому достоинству⁵.

Характеристики братьев-соправителей, Сигурда († 1130 г.) и Эйстейна († 1123 г.), внуков Олава Тихого, строятся на их последовательном сравнении друг с другом. Это сопоставление есть не только в «Круге Земном», но и, например, в «Гнилой коже», причем братья не столько сопоставляются, сколько противопоставляются друг другу⁶.

⁴ Ср., например, «Но конунг уклонялся от оплаты долгов и не любил, когда ее от него требовали» (*En konvng ferr helldr vndan vm gialdit oc þiccir ecki betr er hann heimtir*) [Mork., bls. 153]. О скупости этого конунга на еду см. также ниже, примеч. 60.

⁵ См. [Mork., bls. 291]; ср. также: [Ágr., bls. 42], где наряду с *щедростью на золото и серебро* отмечается особая привязанность конунга к земле (напомним, что другим прозвищем Олава Тихого было Олав Бонд).

⁶ В сагах это противопоставление наиболее полно воплощено в рассказе об игре, которую конунг Эйстейн затеял со своим братом. В этой игре конунги сами должны были сравнивать себя друг с другом:

Тогда Эйстейн конунг сказал:

— За пивом часто бывало в обычае, что люди выбирали себе кого-либо для сравнения с ним. Пусть и тут будет так.

Сигурд конунг промолчал.

Сигурд воюет в чужих землях и добывает себе мировую славу, в то время как Эйстейн остается дома и занимается внутренним устройством державы, исправлением законов и строительством церквей. Сигурд хвастается богатством, добытым в походах, а Эйстейн добром, накопленным благодаря разумному ведению дел в стране. Даже умения и искусства, которыми гордятся братья, различны (один лучше умеет плавать, а другой бегать на лыжах и т.д.).

Однако есть добродетель, на которую в равной степени претендуют оба брата и которая в сагах приписывается и тому, и другому, — это приличествующая конунгу *щедрость*. Примечательно, в частности, что в «Гнилой коже» конунг Эйстейн характеризуется как «щедрейший на имущество, добро» (enn mildasti af fê) [Mork., bls. 353f.], тогда как в «Круге Земном» так (mildgr af fé) называется конунг Сигурд ([Hkr., bnd. III, bls. 287; K3, c. 488–489]; ср. [Klingenberg, 1999, S. 381]), при этом в обоих текстах щедрость и другие достоинства каждого из братьев восхваляются разными способами неоднократно.

Вообще говоря, оценка щедрости правителя — почти обязательный компонент его саговой характеристики⁷. При этом то, что в формуле или прозвище выражается лаконично и однозначно, в нарративе может трансформироваться в куда более сложное построение. Однако общая модель, задаваемая формулой, остается неизменной: конунг должен быть щедр. Иногда он бывает щедр и скуповат одновременно, но полная скупость, никак не уравновешенная щедростью, — это настолько существенный изъян, что он перевешивает все его прочие достоинства и добродетели. Для повествователя скупость к своим людям оказывается вполне достаточной мотивацией для объяснения неуспеха и падения конунга.

— Я вижу, — говорит Эйстейн, — что начинать потеху придется мне. Я выбираю, брат, тебя для сравнения со мной. Я делаю это потому, что у нас с тобой одинаковое звание и одинаковые владения и как по происхождению, так и по воспитанию между нами нет разницы [Hkr., bnd. III, bls. 290–292; K3, c. 490–492].

⁷ О характеристиках конунгов в сагах см. [Marold, 1989, S. 399–425; Kreuzer, 1994; Bagge, 1996; Klingenberg, 1999; Kreuzer, 1999, S. 85–110; Ármann Jakobsson, 2000, p. 71–86] с указанием литературы.

Пожалуй, наиболее яркий пример сюжетного построения такого рода — рассказ о конунге Эйстейне († 1157 г.), сыне Харальда Гилли. Этот конунг, убитый в междоусобной войне со своими братьями и, судя по всему, почитавшийся святым, описывается как человек безусловно мужественный, «умный и понятливый», однако в сагах последовательно, почти при всяком упоминании Эйстейна проводится мысль о его «скупости и жадности» [Ágr., bls. 78; Mork., bls. 445; Hkr., bnd. III, bls. 378, 379; K3, c. 529]. Именно эта скупость и привела к тому, что люди отвернулись от него в решающий момент⁸.

Иными словами, во всей саговой традиции (а не только в «Круге Земном» Снорри Стурлусона) право на некоторую скуповатость порой допускается, если не признается, за Инглингами как родовая черта, однако в куда большей мере традицией налагается на них обязанность родовой щедрости (необходимой, впрочем, практически для всякого правителя). Формульное прозвище Щедрый [на Золото], Скупой на Еду оказывается как бы квинтэссенцией этой родовой характеристики и родовых требований: оно указывает как на то, чего люди вправе ожидать от своего конунга, так и на то, с чем они до определенной степени готовы мириться.

Способность прозвища актуализировать родовые качества хорошо прослеживается и на примере прозвания упоминавшегося выше конунга Хакона († ок. 960 г.) — Добрый (hinn góði). В интерпретации Снорри это прозвище в первую очередь связывается с тем, что он не только возвратил бондам их земли, некогда отнятые его отцом, но и установил законы, в соответствии с которыми люди могли пользоваться землей и другим имуществом.

При этом оказывается, что прозвище конунга Хакона может быть унаследовано тем из его потомков, кто примет за образец его обычаи

⁸ Скупость как одна из основных причин неуспеха конунга выдвигается, например, и в рассказе о правлении Олава Голода († 1095 г.), сына Свейна, в «Саге о Кнютлингах» (ср.: «...hann var bæði ágjarn ok fégjarn» [Knytl., bls. 164]). Однако здесь, как это нередко бывает, *скупость* и *алчность* становится лишь наиболее отталкивающей чертой и без того малосимпатичного правителя. Существенно вместе с тем, что именно по признаку скупости Олав Свейнссон оказывается особенно резко противопоставлен своему брату и преемнику Эйрику Доброму († 1103 г.), о характеристике которого см. ниже, примеч. 13.

в управлении страной. Таким конунгом становится, согласно повествованию Снорри, Магнус, сын Олава Святого, правивший Норвегией в середине XI в. Первоначально Магнус Олавссон не был обладателем прозвища Добрый, более того, в первые годы царствования он, преследуя врагов своего отца, конфискуя имущество и истребляя их скот, заслужил недовольство подданных. Они обвиняли его, в частности, в том, что он нарушает законы, установленные Хаконем Добрым. Лишь впоследствии, когда Магнус внял советам своего старшего друга, скальда Сигвата († ок. 1045 г.)⁹, который приводил ему в пример именно конунга Хакона, «...законы были приведены в порядок... Магнус конунг приобрел в народе любовь. С тех пор стали звать его в народе Магнусом Добрым»¹⁰.

Немаловажно, что в «Круге Земном» и в саговой традиции в целом сохранялись два прозвища «прототипа» Магнуса, конунга Хакона: он упоминается не только как Хакон Добрый, но и как Хакон Воспитанник Адальстейна (Этельстана, † 940 г.), причем это последнее его прозвище связано с детскими годами будущего конунга, когда он, последний сын Харальда Прекрасноволосого, был отдан на воспитание англосаксонскому королю. Прозвище же Добрый является благоприобретенным, полученным уже в годы правления, и рассказ Снорри о том, как Хакон обустроил Норвегию, с большой вероятностью (хотя в саге напрямую этого не говорится) призван объяснить появление этого нового прозвища *hinn góði* у конунга.

Таким образом, во всем пространстве повествования Снорри (а рассказ о Магнусе Добром довольно далеко отстоит в «Круге Земном» от рассказа о Хаконе Добром) последовательно реализуется мысль о том, что способность устанавливать добрые законы и добрый порядок в стране, присущая Инглингам, а по-видимому, и достойному правителю вообще, претворяется у некоторых из них в устойчивое

⁹ Судя по всему (и это весьма немаловажно для истории прозвища), Сигват был крестным отцом Магнуса. Во всяком случае, в «Круге Земном» содержится знаменитый рассказ о том, что именно Сигват нарек сына Олава Святого именем Магнус. См. подробнее [Успенский, 2001, с. 21–26].

¹⁰ ...ok sömdu þeir þá lög sín... Magnús konungr gerðisk vinsæll ok ástsæll af öllu landz-fólki; var hann fyrir þá sök kallaðr Magnús inn góði [Hkr., bnd. I, bls. 33–34; K3, с. 388].

прозвище — Добрый. Тем самым Снорри дает определенное истолкование этого прозвища, которое едва ли можно назвать неправильным, но при этом трудно признать исчерпывающим.

В самом деле, исследователи давно уже обращали внимание на многозначность эпитета *góðr*, «добрый», в письменных памятниках эпохи викингов — рунических мемориальных надписях¹¹. Применительно к людям некоролевского происхождения в значении этого слова обычно выделяются компоненты «хорошего рода», «знатный», «родовитый» и даже «приближенный к правителю». Однако, коль скоро речь о конунгах, все эти качества присущи любому из них имманентно и не нуждаются, казалось бы, в специальном подчеркивании с помощью прозвища. Какие же коннотации нес в себе эпитет «добрый», использованный по отношению к правителю (а такое использование было в Скандинавии относительно частым, ср. [Lind, 1920–1921, S. 114])?

Если мы на некоторое время отвлечемся от персонажей «Круга Земного» и других саг о норвежских конунгах, то увидим, что в датской традиции «добрым» именуется прежде всего конунг Эйрик († 1103 г.), сын Свейна Эстридссона¹². При этом в «Саге о Кнютлингах» своего рода объяснением данного прозвища служит описание исключительной щедрости этого правителя.

Он был щедр на богатство (*ögg af fé*) как с хёвдингами, так и со своей дружиной и раздавал множества добра (*veitti stórfé*) в качестве дружеских даров всем тем людям, которые к нему приходили, и более всего тем, кто приходил совсем издалека. Он был щедр на богатство (*ögg af fé*) с малоимущими людьми, если они к нему обращались. Вскоре народ полюбил его. Он был прозван Эйриком Добрым,

¹¹ См. [Wulf, 1989; Hershend, 1998; Sawyer, 2000, p. 107–111; Sawyer, Sawyer, 2001, p. 370–383; Christiansen, 2002, p. 60–61].

¹² Существует уникальное свидетельство, где прозвищем Добрый наделяется и знаменитый креститель Дании конунг Харальд Синезубый († ок. 987 г.). Именно так он назван в рунической надписи на поминальном камне, который его жена Това поставила по своей матери (вторая половина X в.): «Това, дочь Мстивоя, жена Харальда Доброго, сына Горма, велела сделать этот памятник по своей матери» (*tufa • IEt • kaurua • kubl|mistiuis • tutir • uft • muþur | sina • harats • hins • kuþa • kurms | kuna | sunaR*) [DR, s. 94–95, No. 55].

и многие люди говорили, что это — подходящее для него прозвище (*sannefni*), ибо все, кто приходил к нему, убедились, что получили от него [все] блага¹³.

Канву для этой панегирической характеристики создает приведенная здесь же в саге строфа скальда Маркуса Скеггьясона из хвалебной песни в честь конунга Эйрика¹⁴. Именно щедрость конунга Эйрика Доброго в первую очередь противопоставляет его, хорошего правителя, старшему брату, конунгу Олаву, правителю, несомненно, дурному, с весьма характерным с точки зрения нашего исследования прозвищем Голод, как бы контрастным по отношению к прозвищу его младшего брата¹⁵.

¹³ См. [Knytl., bls. 167]. Свен Аггесен (XII в.) называет Эйрика He(n)gicus Bonus, в других же датских источниках этот сын Свейна Эстридссона называется иногда «Неизменно, всегда добрый» (Egoth) [VSD, p. 189]; интерпретацию этого прозвища, связанного, по преданию, с исключительно благополучным правлением этого конунга и его популярностью у народа, см. также в: [GK, S. 102–103, 170–171]. Весьма сходная интерпретация прозвища Эйрика есть и у Саксона Грамматика († ок. 1220 г.).

¹⁴ «Дружинники получили богатство от князя; щедрый вождь дал мечи и корабли; Эйрик часто и обильно раздавал янтарь руки [= золото] выдающимся мужам; отважный в битве разбрасыватель клада разрушенных колец и председательствующий на престоле Фроди [= конунг] настолько продвигал мужей (т.е. содействовал мужам? воздавал им почести?), что многие благодаря ему сделались хороши (т.е. улучшили свое положение?)» (Drengir þógu auð af yngva / örg fylkir gaf sverð ok knörru; / Eirfkr veitti opt ok stórum / armleggjar röf dýrðar seggjum. / Hringum eyddi hodda slongvir / hildar ramr, en stillir framði / fygða kyn, svát flestir urðu, / Fróða stóls, af hÓnum góðir). О традиционной скальдической теме щедрости и раздачи даров конунгом, которая в слегка модифицированном виде присутствует только в этой строфе хвалебной поэмы скальда Маркуса Скеггьясона, см. подробнее: [Jesh, 2003, p. 271–272].

¹⁵ Впрочем, нет данных, что Олава Свейнссона называли так при жизни, его прозвище (*Famelicus*) упоминается в гл. 12 истории Свена Аггесена, где сказано, что он был прозван так, поскольку в годы его правления был сильный неурожай. Ср. также: [VSD, p. 129–130; SmHD, t. I, p. 24; Роскильская хроника, с. 333; SmHD, t. II, p. 23]. Прозвище *Hunger* появляется в датских анналах XIII в. [Kroman, 1980, S. 163]; ср. [GK, S. 44, 45, 102, 169, 170, 225].

Если же мы будем в саговой традиции отыскивать некое олицетворение щедрости среди норвежских конунгов, то нам вновь придется обратиться к фигуре Магнуса, сына Олава Святого¹⁶. Здесь следует говорить не только о той щедрости, которая требовалась от правителя уже в силу его статуса, но о некотором почти абсолютном стремлении раздавать, а не стяжать богатство. Принимая во внимание, что Магнус, как и Эйрик, сын Свейна, был прозван Добрым, у нас появляются основания говорить, что в семантике королевского прозвища (*h)inn góði*, «добрый», отчетливо присутствует глубинный и, судя по всему, достаточно архаический компонент, связанный с особенной щедростью, раздачей добра.

Иными словами, прозвище Добрый в каком-то смысле было отчасти тождественно прозвищу Щедрый. Косвенным свидетельством в пользу такого (вообще, на наш взгляд, вполне очевидного) вывода является и то, что, будучи достаточно распространенными прозвищами знатных людей, прозвища *mildi*, *örvi* (щедрый) как таковые не употреблялись по отношению к скандинавским правителям, жившим в историческую эпоху, хотя именно для них щедрость в традиции была неотъемлемой сущностной характеристикой. Тем не менее устойчивое именование *mildi*, *örvi*, *gíafmildi*¹⁷ прилагается только к иноземным правителям (Балдуин Фландрский, император Генрих, Людовик Благочестивый) или легендарным конунгам (датские конунги Фроди, Гаутрек, Краки и Вальдар) [Lind, 1920–1921, S. 257, 414]. Иначе говоря, подобным прозвищем из всех правителей наделяются лишь те, чей индивидуальный облик в известном смысле скрыт от аудитории саги. Главное, что о них известно, это то обстоятельство, что они обладают королевским достоинством, а следовательно, согласно той модели,

Замечательно, что такие антонимические прозвища братьев в скандинавской традиции не единичны. Так, мы знаем двух братьев исландцев, живших в X в., одного из которых звали Арнор Добрый (*inn góði*), тогда как другого — Торарин Злой (*illi*) [Ldn., bls. 197]. Не исключено, что и прозвища двух соправителей — Магнуса Доброго и Харальда Сурового — также тематически связаны между собой (см. подробнее об этом: [Успенский, 2004, с. 46–47]).

¹⁶ Некоторые ключевые для нас примеры его исключительной щедрости приводятся нами ниже.

¹⁷ Древнеисландское слово *gíafmildi* обозначает «щедрый на дары».

которая принята в скандинавской традиции, оказываются носителями такого качества, как щедрость. Прозвище в подобных случаях служило чем-то вроде стандартного расширителя титула, призванного подчеркнуть, что этот персонаж королевской крови освоен саговой традицией.

Собственным же конунгам, правившим в христианскую эпоху и во времена, непосредственно к ней примыкающие, при такой дистрибуции доставалось прозвище (*h*)*inn góði*, которое с достаточной степенью условности и необходимыми оговорками можно перевести как «добрый», учитывая при этом коннотации, связанные с родовитостью, знатностью, а также и коннотации, связанные с концептом щедрости в качестве неотъемлемого элемента подобной «доброты».

Если мы вновь обратимся к примеру, с которого начали наш рассказ о скандинавских прозвищах, то увидим, что и термин *mildr* был допустимым в составе именовании конунгов, если только оно не ограничивается одной лексемой, т.е. в составе прозвища-формулы Щедрый [на Золото], Скупой на Еду (*hinn mildi ok matarilli*)¹⁸. Очень показательно при этом, что качество, противоположное щедрости, — скупость — обозначено с помощью компонента *illr*, «злой, скверный, дурной», прямого антонима слова *góðr*, «добрый, хороший». Это лишний раз подчеркивает как сам тезис о близкой синонимии, почти тождественности эпитетов *góðr* и *mildr*, так и предположение о наличии некоторого функционального распределения между ними в прозвищах.

Можно допустить, что прозвище конунга Хакона (а вслед за ним и конунга Магнуса), Добрый, должно было воспроизводить только положительную, комплиментарную часть сложного прозвища их отдаленного предка Хальвдана — оно должно было подчеркивать их щедрость без каких-либо ограничений. В таком случае (*h*)*inn góði* оказывается наиболее уместным соответствием эпитета *mildi* из прозвища пращура.

¹⁸ Отметим, впрочем, что в «Младшей Эдде» Снорри Стурлусона этот конунг Хальвдан единожды назван просто Хальвданом Щедрым (*ens mildi*) [SnE., S. 140], однако в «Круге Земном», да и в средневековых текстах в целом он именуется развернутым прозвищем, так что можно допустить, что в «Младшей Эдде» Снорри попросту дает нечто вроде краткого, усеченного варианта общеизвестного прозвища.

*

Итак, интересующее нас пространное прозвище, упоминаемое рядом с именем конунга Хальвдана, с одной стороны, является аллитерирующим, поэтически оформленным текстом; с другой стороны, очевидно и его родство с немалым числом саговых характеристик правителей. Более того, это развернутое именование так или иначе подчинено более общим тенденциям формирования корпуса королевских и некоролевских прозвищ у скандинавов. Описания родовых черт Инглингов, связанных с этим прозванием, и целую россыпь прозвищ прочих конунгов, в той или иной степени ассоциирующихся с ним по смыслу, можно обнаружить в разных источниках, входящих в состав самых различных кодексов, так что у нас нет, кажется, оснований опасаться, что прослеженная нами система связей целиком вышла из-под пера одного позднейшего автора.

Все это позволяет предположить, что прозвище Шедрый, Скупой на Еду и в самом деле принадлежит древней эпохе, условно говоря, эпохе Инглингов до Харальда Прекрасноволосого († ок. 940 г.). Еще одним аргументом в пользу аутентичности этого речения-прозвища служит тот факт, что по мере его исследования у нас накапливается довольно много разительно сходных с ним двучленных речений-характеристик, что побуждает нас остановиться подробнее на концептах, которые в этих характеристиках задействуются, и на их структурной организации.

ЗОЛОТО И УГОЩЕНИЕ, НАГРАДА И ОТПЛАТА

Синтез и антитеза в панегирических формулах

В рассказах о конунге Хаконе Добром, который унаследовал от своих предков характеризующее речение «щедрый на золото, скупой на еду», отчетливо прослеживается формульная связь между *щедростью* как таковой и мотивом *угощения, еды* (прежде всего ритуальной). Как известно, будучи вынужденным участвовать в жертвенном пире в Хладире, конунг Хакон перекрестил свой кубок, прежде чем отпить из него. В ответ на недовольные вопросы пирующих сподвижник конунга, язычник ярл Сигурд, объяснил, что конунг посвятил свой кубок

Тору, сделав над ним знак молота. Существенно, что Хакон отказывается на этом пире есть конину и по совету того же Сигурда соглашается лишь разинуть рот над дужкой котла, предварительно набросив на него платок. На другом пире конунг лишь под угрозой применения силы соглашается съесть немного конской печени¹⁹.

Разумеется, во всех упомянутых случаях подданные стремятся принудить Хакона к участию в ритуальной трапезе в первую очередь благодаря ее символическому значению²⁰. Они не хотят принимать новую веру и желают, чтобы конунг придерживался древних обычаев. Однако в этих рассказах проскальзывает и другая составляющая, тесно связанная с символической ролью жертвоприношения во время пира. Могущество и достоинство человека во многом определялось тем, сколь велик был его вклад в жертвенные пиры, насколько обильными были еда и питье на тех праздниках, которые он устраивал. Так, об уже упоминавшемся хладирском ярле Сигурде говорится:

...он совершил то, что доставило ему большую славу: он дал большой жертвенный пир в Хладире и взял на себя все затраты²¹.

В тексте Снорри Стурлусона, посвященном Хакону Доброму, «еда» (*matr*) и «мощь, могущество» (*mátttr*), равно как и производные от этих слов, употребляются таким образом, что порой весьма напо-

¹⁹ Согласно свидетельству «Обзора саг о норвежских конунгах», памятника, составленного значительно ранее, чем «Круг Земной», конунг Хакон, прежде чем откусить от конской печени, тщательно обернул ее в ткань [Ágr., bls. 7–8].

²⁰ Рассказы Снорри о том, как конунг Хакон Добрый пытался соблюдать и распространять в языческой Норвегии христианские обычаи, чрезвычайно интересны, так как здесь Снорри демонстрирует, каким образом одни и те же предметы, ритуальные действия и понятия осмысляются в различных перспективах, в зависимости от того, кто о них говорит, христианин или язычник. Кроме того, Снорри показывает, как в эту предхристианскую эпоху человек хитроумный и изворотливый может с большим или меньшим успехом лавировать между перспективой язычника и перспективой христианина.

²¹ hann gerði þat verk, er frægt var mjök, at hann gerði mikla veizlu á Hlöðum ok helt einn upp öllum kostnaði [Hkr., bnd. I, bls. 189; K3, c. 75].

минают фрагменты сложившихся аллитерирующих формул²². Нежелание устраивать жертвенные пиры наносит прямой ущерб могуществу и репутации правителя, обвинение в «скупости на еду» считалось столь веским, что зачастую ставило под сомнение его право на высокий статус и самый титул конунга²³; для того чтобы счесть такого правителя достойным, в применяемой к нему характеризующей формуле необходим уравнивающий антитетический компонент, который подчеркивал бы его исключительную щедрость в другой, не менее существенной для правителя сфере.

Вторым таким уравнивающим компонентом, из которого складывается образ идеального могущественного правителя, была, как можно понять из приведенных выше примеров, щедрость в раздаче золота своим сподвижникам, прежде всего своей дружине. По всей видимости, формула, восхваляющая конунга, ярла или знатного бонда, могла содержать похвалу без оговорок, провозглашать, что восхваляемый хорош как в одном, так и в другом, как в раздаче золота, так и в раздаче еды, ритуального угощения.

²² Ср., например: *kurrudu boendr... ok sagði, at við þat mátti landit eigi byggva... ok þrælar kölluðu þat, at þeir mætti eigi vinna, ef þeir skyldi eigi mat hafa... þat var skaplöstr Hákonar konungs ok föður hans ok þeira frænda, at þeir váru illir af mat, svá þótt þeir væri mildir af gulli* (см. [Hkr., bnd. I, bls. 189]). В этой саге из «Круга Земного» речь безмянных бондов, так сказать, «глас народа» на различных собраниях, уснащена паремийными конструкциями и устойчивыми (зачастую аллитерирующими) сочетаниями. Ср., например, «Мы, бонды, думали... что мы схватили небеса руками (*vér hefðim þá höndum himin tekít...*)».

²³ В этом отношении весьма выразителен обрамляющий прозаический рассказ, с которого начинаются «Речи Гримнира». Один и Фригт спорят о судьбе своих воспитанников — Агнара и Гейррёда. Один упрекает воспитанника Фригт в том, что тот (Агнар) народил детей в пещере с великаншей. Воспитанник же Одина, Гейррёд, к этому времени стал конунгом. На это Фригт отвечает, что Гейррёд «так скуп на еду (*matníðingr: mat* — «еда, пища», *níðingr* — часто употребляемый, например, в праве термин со значением «злодей, негодяй»)», что морит голодом своих гостей, если ему кажется, что их слишком много пришло» [Grn., s. 55; СЭ, с. 35]. Один отвергает это обвинение, однако сам отправляется проверить, как обстоит дело. При этом составитель текста добавляет: «Было величайшей неправдой, что Гейррёд — скуп на еду (*Geirgøðr væri eigi matgóðr*)» [Ibid.].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru